

Глава третья

Археология среднеазиатских национализмов¹

Les Mots et les Choses

«...очевидно, не существует классификации мира, которая бы не была произвольной и проблематичной. Причина весьма проста: мы не знаем, что такое мир...»

Хорхе Луис Борхес.

Аналитический язык Джона Уилкинса

«...Предложения же <...> об изменении административно-территориального деления Республики Таджикистан заставляют с ужасом вспомнить печально известных А. Рахимбоева и Ф. Ходжаева <...> будучи активными членами комиссии по так называемому “топорному разделу” Средней Азии, они привели родной край в полное “соответствие с исторически сложившимися традициями и этническими признаками”, в результате чего таджикам достались узкие горные ущелья и они лишились своих культурно-цивилизационных центров, а именно – городов Самарканда и Бухара...»

Независимая газета. 19.10.1996

«...Границы советской Азии оказались произвольно проведёнными, часто без учёта демографической карты. Населённые почти одними таджиками Самарканд и Бухара - древнейшие религиозно-культурные центры этого народа – были переданы Узбекистану для придания УзССР статуса полноценной советской республики <...>. Ташкент

объективно не желает упрочения таджикской государственности, способной породить нежелательные тенденции среди узбекских таджиков Самарканда и Бухары...»

Независимая газета. 02.12.1997

«...При национально-территориальном размежевании 1924 года к Узбекистану отошли заселённые преимущественно таджиками древнейшие центры среднеазиатской культуры – Бухара и Самарканд. После присоединения этого региона к Узбекистану местных жителей “записали” узбеками...»

Независимая газета. 04.03.1999

«...Между тем известно, что на территории Самаркандской и Бухарской областей Узбекистана большинство населения – этнические таджики...»

Независимая газета. 17.04.1999

«...В крупнейших после Ташкента городах Узбекистана, Бухаре и Самарканде, испокон веков живут в основном таджики...»

Известия. 03.09.1999

Любой национальный конфликт развивается не только как некая последовательность событий, но и как столкновение их интерпретаций. То, что говорится, порой не менее убийственно, чем действия боевиков и погромщиков.

Присмотримся к приведённым цитатам по поводу национальности жителей Бухары. В них прослеживается несколько устойчивых представлений: Бухара — «исторически» и «испокон веков» является «таджикским городом», «культурным» («культурно-цивилизационным», «религиозно-культурным») центром, которого таджики «лишились» по чьей-то (узбеков, большевиков, таджиков-«предателей») злой воле. В этих, казалось бы, почти по-научному нейтральных утверждениях содержится в завуалированном виде претензия таджиков к узбекам — первые лишись в пользу вторых своей идентичности, своей истории, своей территории, своего центра и т.д. Эта претензия является началом конфликта.

Каким образом следует анализировать такого рода высказывания? Можно, например, их поддержать или оспорить, к чему чаще всего и сводятся попытки прокомментировать конфликт². А можно исследовать те дискурсивные

² Преодолеть этот соблазн не удаётся даже авторам, которые заявляют о порочности «этнического дискурса». Так, один из критиков «примордиализма» В. А. Тишков очень справедливо утверждает, что «основами для коллективной идентичности» в Средней Азии были «религия, династическая или региональная

¹ Статья опубликована в журнале «Ab Imperio» (2003, № 1. С. 497–522). В настоящей книге статья публикуется с некоторыми поправками.

способы, благодаря которым тема узбекско-таджикского противостояния в Бухаре превращается в важную проблему, вокруг которой разворачивается дискуссия. Чтобы исследовать эти способы, надо внимательнее посмотреть не только на то, о чём спорят, но и на то, как спорят — с помощью каких существенных, на взгляд участников спора, аргументов и в какой их последовательности обсуждаются острые темы.

В случае с национальным конфликтом в Бухаре мы имеем дело с вполне сформировавшимся дискурсом, в котором есть стройная система общих понятий и терминов, логика их связи между собой. Он подразумевает: 1) что существуют некие нации (или этносы) как самостоятельные общности, или сущности, 2) что эти общности имеют «свою» территорию и историю, «свой» язык и «свою» культуру, 3) что они, наконец, находятся друг с другом в некоторых взаимоотношениях иерархического характера (одни нации «плохие» — другие «хорошие»; одни «нападают» — другие «защищаются»). Весь спор о том, кто имеет право на Бухару и Самарканд — таджики или узбеки, основан на этих трёх постулатах.

В этой связи меня интересуют два вопроса. Первый — как возникла в науке или в общественном сознании проблема узбекско-таджикского противостояния в Бухаре? Второй — возможен ли какой-то иной способ говорить о культуре и истории жителей этого города, не воспроизводя межэтнические упреки?

Инструменты, методику и методологию, с помощью которых можно удовлетворить это любопытство, предложил известный французский философ и историк Мишель Фуко³. В книге «Слова и вещи» (1966) он писал о своём подходе: «...такой анализ не есть история идей или наук; это, скорее, исследование, цель которого — выяснить, исходя из чего стали возможными познания и теории, в соответствии с каким пространством порядка конструировалось знание...»⁴. Это не история «нарастающего совершенствования» познаний или история мнений, а история «условий

принадлежности», а не «этническая культура» (Тишков В. А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах. Материалы международной конференции 1993 г. М., 1994. С. 18–19). Но буквально на следующей странице он же пишет, повторяя дословно логику противоположной стороны, что «...районы с таджикским населением вокруг Бухары и Самарканда были включены в Узбекскую республику...» (Там же. С. 20.). Этот пример показывает, до какой степени все мы являемся пленниками устоявшихся в «национальном» дискурсе клише.

³ Этот приём уже был использован в зарубежной и российской этнографии (см.: Spurr D. The Rhetoric of Empire: Colonial Discourse in Journalism, Travel Writing, and Imperial Administration. Durham and London, 1993. P.61–75; Соколовский С. В. Образы Других в российской науке, политике и праве. М., 2001. С. 25–37). См. также: Мишель Фуко и Россия. СПб.; М., 2001.

⁴ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 34.

их возможности» или история всеобщей системы мышления, которая определяет условия возможности спора или же постановки той или иной проблемы. Эта методологию Фуко назвал «археологией знания».

Фуко выделил три этапа в формировании научного дискурса — эпоха Возрождения, классическая эпоха и современность. На первом этапе описание «вещей» имеет «избыточный и одновременно абсолютно убогий характер», это «бесконечное нагромождение утверждений». Такое описание выстраивается на «подобиях», которые не сводятся к ограниченному набору заранее определённых признаков и которые, поэтому, можно открывать до бесконечности. С приходом классической эпохи «природа» вступает «в научный порядок», «вещи» теперь не сближаются, а сравниваются и различаются благодаря ограниченному числу признаков, «становится возможным полное перечисление», «...познание эмпирических индивидов может быть достигнуто в классическом знании лишь в непрерывной, упорядоченной и обобщающей все возможные различия таблице...»⁵. На третьем — современном — этапе главным принципом описания «вещей» становится «история», являющаяся «способом бытия всего того, что дано нам в опыте», в отличие от предшествующего этапа, когда «не было и не могло быть даже намёка на эволюционизм и трансформизм». Таблица сохраняется, но признаки, на которых она основана, теперь связаны не с внешними характеристиками, а с «внутренним принципом», находящимся «вне области видимого». Новые признаки теперь соотносятся с «целостной органической структурой», поэтому «называние» и «разграничение» перестают совпадать, появляются главные признаки и несущественные, «сходства, родство, семейства живых существ уже не определяются на основе развёрнутого описания». Таким образом, «...европейская культура изобретает такое глубинное измерение, в котором вопрос ставится уже не о тождествах, не об отличительных признаках, не об устойчивых таблицах со всеми возможными внутри них ходами, но о мощных скрытых силах, развившихся из их первоначального и недоступного ядра, о первоначале, о причинности, об истории...»⁶.

Единой методологии у Фуко не было, а понимание того, что собой представляют взгляды Фуко, тоже развивалось во времени. Во всяком случае в других своих книгах французский учёный больше не акцентировал внимание на трёхэтапном делении истории формирования научного дискурса. Тем не менее в данной статье я использую предложенное в «Словах и вещах» членение как удобную метафору, а характеристики этих этапов как некие правила, которым «мы теперь можем подражать»⁷.

⁵ Там же. С. 174.

⁶ Там же. С. 276.

⁷ Хархордин О. Фуко и исследование фоновых практик // Мишель Фуко и Россия. С. 67.

В статье речь пойдёт о том, как на протяжении двухсот лет менялось описание состава народонаселения Бухары. Для примера я возьму трёх авторов — Филиппа Ефремова, Николая Владимировича Ханыкова и Ольгу Александровну Сухареву, имея в виду не просто отличающиеся друг от друга точки зрения или мнения, но в буквальном смысле разные «точки зрения», три различных способа «видеть» изучаемую реальность, о которых говорил Фуко. Такой выбор позволяет ограничить круг привлекаемых к рассмотрению работ, но в то же время распространить выявленные закономерности на весь научный дискурс по поводу «национального вопроса» в Бухаре. Я не буду пытаться анализировать здесь ту информацию, которую давали названные авторы, на предмет её истинности, не буду пытаться оценить правильность или неправильность их выводов. Я буду изучать только ту логику, в соответствии с которой они писали о народах Средней Азии.

И ещё одно добавление. Данная статья не претендует на роль исчерпывающего исследования. Это, скорее, своеобразный эксперимент, интеллектуальное упражнение с цитатами Фуко, с одной стороны, и цитатами из текстов по Средней Азии, с другой. Высказанные ниже идеи не следует воспринимать в качестве окончательно установленных истин. Это лишь приглашение к дальнейшему разговору о российской этнологии и её проблемах.

«Странствование Филиппа Ефремова»: конец эпохи Возрождения

В 1784 г. в Санкт-Петербурге в журнале «Русская старина» было издано «Странствование Филиппа Ефремова». В «Странствовании» говорилось в форме отчёта о судьбе сержанта Ф. Ефремова, который был взят в плен одним из отрядов «государственного злодея» Емельяна Пугачёва, потом оказался у казахов, от них попал в Бухару и жил там примерно с 1776 по 1780 гг. Ф. Ефремов принял ислам (хотя позднее говорил, что сделал это только «языком», но не «душою»), служил на военных должностях, потом бежал в Индию и через Англию вернулся в 1782 г. на родину.

«Странствования», переизданные почти без изменений в 1794 г., были просто «бесхитрым рассказом простого человека» и ставили своей целью информировать читателей о странах Азии. Такой жанр предполагал определённую организацию текста и, в частности, появление в нём инородных вставок из чужих произведений (что выяснил историк А. А. Вигасин, который изучал обстоятельства написания «Странствований»⁸). Книга

⁸ Странствование Филиппа Ефремова // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995. С. 141–142.

содержала не только детали личной жизни, но и вперемешку с ними описание Бухарии, в том числе домов, пищи, одежды, некоторых обычаев, войска, хозяйства, болезней.

В первом издании «Странствований» ничего не говорилось о народонаселении Бухарского ханства. Автора эта тема совершенно не волновала. По мере развития сюжета своих приключений он упоминал, что бухарский правитель Даниар-бек был «родом узбек, то есть дворянин» (С. 159 — здесь и далее ссылки даются на издание: Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995 г.), правителей Ура-тюбе и Коканда называл узбеками «рода юз» (С. 161–162). Он упоминал также «калмычку» и «персиянку», «ямутов», «туркмянов», «хивинцев», «киргисцев» и т.д. Однако какие бы то ни было пояснения в тексте о том, что означают такие характеристики, отсутствовали.

В 1810 г. Ефремов уехал из столицы и поселился с семьёй в Казани, а там уже на следующий год, спустя почти 30 лет после побега из Бухары, появилось третье, значительно переделанное издание «Странствований». В написании новой книги самое активное участие принял 21-летний магистр исторических наук П. С. Кондырев⁹, который внёс значительные поправки в содержание, сделав его более наукообразным. При этом Кондырев, от имени которого теперь была издана книга, ссылался на новые воспоминания Ефремова, в прежней книге не отражённые. Молодой учёный пользовался также, как полагает историк А. А. Вигасин, рукописью воспоминаний Т. С. Бурнашёва и А. С. Безносикова, которые совершили путешествие в Бухару в 1794–1795 гг.¹⁰

Если первые «Странствования» были написаны от первого лица, то последнее издание началось изложением о судьбе Ефремова в третьем лице, а потом неожиданно, без всякой причины, перешло к первому лицу с оговоркой «будем говорить далее словами самого г. Ефремова» (С. 183). Такие маленькие перевороты совершались в тексте несколько раз. Тем не менее в третьем варианте «Странствований» структура рассказа приобрела гораздо более чёткий характер. Воспоминания о самом путешествии и описание стран Азии были выделены в отдельные, разделённые между собой главы.

Самый большой раздел книги был посвящён подробному описанию «Большой Бухарии». Сначала в нём говорилось о географическом расположении, климате, почвах, реках и озёрах, а также хозяйстве, потом о народонаселении, а уже затем об обычаях, семейных отношениях, пище, одежде, строениях, болезнях, вере и образовании, политическом

⁹ Пётр Сергеевич Кондырев (1789–1823) — воспитанник Казанского университета, профессор политической экономии и исторических наук.

¹⁰ Странствование Филиппа Ефремова. С. 144.

устройстве, экономике и торговле, войске и последних годах политической истории ханства, об отдельных городах «Бухарии» и о возможных её отношениях с Россией (С. 200–228).

Я подробнее остановлюсь на той части раздела о «Большой Бухарии», которая посвящена народонаселению. Во-первых, обращает на себя внимание то, куда помещена эта часть — между описанием географии и хозяйства, с одной стороны, и описанием быта людей, политического устройства и истории, с другой. Таким образом, рассказу о народонаселении было найдено (интуитивно?) место строго между «природой» и «обществом», что указывало на двойственную — биологическую и социальную — сущность темы. Это расположение собственно этнографических сюжетов будет воспроизводиться во всех последующих исследованиях Бухары.

Во-вторых, обращает на себя внимание организация данного текста. Здесь говорится о «различных народах» (этот термин в первых изданиях не встречается), населяющих «Большую Бухарию», и даётся их перечисление с краткой характеристикой. Список народов включает: 1) бухарцев, 2) лезгинцев¹¹, 3) авганцев, 4) персиян, 5) узбеков, 6) «киргызов», 7) белых арапов (С. 208–209)¹². Почему именно такой порядок был избран для перечисления — не объясняется. Замечу, что и в первых двух изданиях, и в третьем упоминались в качестве жителей Бухары калмыки (С. 208), но в списке «народов» они отсутствуют. Иными словами, список явно

¹¹ Позволю себе здесь отклониться от темы статьи и дать этнографическое пояснение к термину «лезгины». О. А. Сухарева допускала, что в Бухаре жили выходцы из Кавказа, которых называли «лезгинами» (Сухарева О. А. Бухара. XIX — начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966. С. 180). Однако есть и другое мнение, согласно которому речь идёт о «язгулемцах», особой группе таджиков, до недавнего времени сохранявшей свой язык, который относился к восточноиранской группе (см. Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 104; Магидович И. Население // Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 1. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. 1. Бухара. Ташкент, 1926. С. 234).

¹² Одна из первых попыток научного описания «бухарцев» была предпринята в 1796 г. И. Г. Георги. Описывая их внешний вид, нравы, обычаи, Георги причислял бухарцев к «татарскому племени» (вместе с дагестанскими народами, грузинами и др.), подчёркивая, что «...бухарцы почитают себя чистыми потомками Уцов, а нынешних Туркоманов...» (Георги И. Г. Описание обитающих, в Российском государстве, народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Часть 2. О народах татарского племени. СПб., 1796. С. 75). Вместе с тем, он писал, что «...Язык их почитается, между Татарскими наречиями, красивым, хотя и походит нарочито на Персидский...» (Там же. С. 76). «Между» бухарцами, по сведениям Георги, жили «жиды», «аравитяне», «персияне», «индийцы», «цыгане», «иных Восточных стран жители» (Там же. С. 76). В этой картине отсутствовала внутренняя противоречивость, а «бухарцы» выглядели единой общностью, без каких-либо противоречий между узбеками и таджиками.

не был задуман, чтобы отразить всё многообразие культурных и групповых различий в Бухаре, а выполнял некую систематизирующую и обобщающую, но не до конца продуманную, функцию.

Бросается в глаза и то, что в классификации автора (далее я буду называть его Ефремов-Кондырев) третьего издания «Странствований» «народы» находятся как бы на разных уровнях, они несопоставимы, характеризуются достаточно произвольно. Об одних говорится, как они выглядят, о других — чем занимаются, о третьих — на каком языке говорят и т. д.¹³ Тем не менее автор неосознанно пытается сравнить «народы» между собой.

Классификация держится на нескольких внутренних оппозициях. Начинается перечисление с «бухарцев», появление которых в списке в качестве самостоятельной единицы вообще вызывает удивление. Напомню, что Фуко, рассуждая в «Словах и вещах» о древнекитайской классификации зверей¹⁴, отмечал появление среди разных животных пункта, который звучал так: «звери, включенные в настоящую классификацию»¹⁵. Фуко подчеркнул парадоксальность этого пункта, разрушающую, казалось бы, внутреннюю логику классификации. То же самое наблюдается у Ефремова-Кондырева: говоря о жителях Бухары, автор в числе семи народов, населяющих Бухарию, называет отдельно «бухарцев» (и подчёркивает, что они себя так называют сами — «бухари»), подразумевая, следовательно, что все остальные «народы» жителями Бухары, т. е. бухарцами, не являются. Здесь прослеживается явная параллель с будущим делением на «местных» и «пришлых», «настоящих», «коренных» жителей Бухары и «ненастоящих», о чём я скажу ниже.

Об остальных «народах» сообщаются дополнительные сведения, которые, видимо, их выделяют из числа бухарцев. В числе прочего говорится о приблизительной численности каждой группы (предполагается, следовательно, что численность бухарцев определять не надо) и месте их расселения (также предполагается, что расселение бухарцев выяснять не надо). Автор классификации подчёркивает особый социальный статус «не-бухарцев»: например, об узбеках говорит, что они «дворяне», считающие себя «благородного происхождения», о лезгинцах, авганцах и персиянах сообщается, что они «более по службе», т. е. состоят на государственных должностях, о «белых арапах» говорится, «...что они из роду

¹³ О первых опытах этнографической классификации в российской науке см.: Слёзкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские учёные XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005.

¹⁴ Эта классификация была упомянута в рассказе Борхеса «Аналитический язык Джона Уилкинса».

¹⁵ Фуко М. Слова и вещи. С. 29–30.

Магомета, почему и почитаются от мусульман весьма много...»¹⁶. Называть особенности социального статуса собственно бухарцев Ефремову-Кондыреву казалось бессмысленным.

Неявная оппозиция намечается между бухарцами и узбеками, которые занимают соответственно пункты 1) и 5) в перечислении. В тексте «Странствований» только применительно к этим двум «народам» говорится об их языке: язык одного сходен с «персидским», тогда как «природный», по выражению Ефремова-Кондырева, язык второго — с «татарским». Поскольку при этом отмечается, что обе группы говорят одновременно на двух языках, видно, что упоминание языка в данном контексте связано не столько с практикой употребления, сколько с противопоставлением «природных» языков, т.е. языков, которые принадлежат самим «народам».

Такое же неосознанное противопоставление бухарцев и узбеков относится к их «внешнему облику» и характеру. Ефремов-Кондырев описывает бухарцев следующим образом: «...Народ бухарский росту среднего, статен, лицом бел и несколько смугловат, румян, отчасти похож на татар, чернобров, глаза имеет карие, слаб и нежен телосложением и весьма посредствен в силе...», они «веселы, скромны, нетерпеливы, большие обманщики, ленивы», а также склонны к торговле, воровство у них редко (С. 208). Узбеки же, напротив, «...росту большого, широколицы, широкоплечи, силы посредственной, глаза имеют маленькие, как и калмыки, склонны к войне, трудолюбивы...», занимаются хлебопашеством, пьют крепкие напитки больше бухарцев, а вот жилища их менее «чисты», чем у бухарцев (С. 208). Хотя все эти черты прямо не противопоставляются друг другу, но их оппозиция очевидна: средний и большой рост, ленивые и трудолюбивые, торговцы и хлебопашцы (здесь мы находим даже своеобразную классовую оппозицию «народов»). При этом описание узбеков включено в классификацию, тогда как описание бухарцев находится отдельно, непосредственно перед перечислением «народов». Данная деталь подтверждает ранее сделанное наблюдение, что узбеки и другие «народы», скорее, выделяются из числа бухарцев, чем прямо — на равных — противопоставляются им.

Ефремов-Кондырев не останавливается на внутренних для каждого «народа» членениях. Автор лишь мимоходом говорит о делении узбеков на 5 «родов» (Акмангыт, Токмангыт, Карамангыт, Барынь, Ябу), но из контекста не совсем понятно, что он хочет этим сказать и почему названы именно эти «роды». Можно только предполагать, что первые три названия подразделений племени мангыт, известных по более поздним источникам, упомянуты потому, что как раз из этого племени происходили правители Бухары. Из такого пояснения становится понятно, почему автор текста

¹⁶ Автор путает арабов с потомками святых, которые имели прозвище «белая кость» (см. Главу 6).

приводит предание, согласно которому узбеки — это потомки «нагайцев» из Оренбургского края, что является единственной в «Странствованиях» попыткой ввести в классификацию «народов» исторический признак. Дело в том, что значительная часть ногайцев, расселённых в нынешней России, также принадлежала к племени мангытов.

Все указанные оппозиции между бухарцами и узбеками присутствуют в структуре текста неявно, они не проблематизированы. Не случайно в следующем изложении, где говорится об обычаях, пище, одежде и жилищах, «народы» отсутствуют, а есть только «бухарцы», которые противопоставляются «хивинцам», «ташкентцам» и «персиянам» (в данном случае жителям Персии) (С. 225).

Итак, что можно сказать о характере тех сведений, которые систематизированы в третьем издании «Странствований Филиппа Ефремова»? В них отсутствует ясный признак классификации. «Народы» выделяются, скорее, по месту проживания, либо по социальному статусу. Автор то выделяет узбеков и другие группы из числа «бухарцев», то пытается противопоставить «бухарцев» и «узбеков» по внешнему виду, характеру и занятиям, хотя тут же говорит, что живут они мирно и общаются между собой на двух языках. В этой классификации можно увидеть, по выражению Фуко, «экзотическое очарование иного способа мыслить» и «причудливость необычных сопоставлений». И тот же французский философ писал: «...едва намеченные, все эти группировки рассыпаются, так как сфера тождества, которая их поддерживает, сколь бы узкой она ни была, всё ещё слишком широка, чтобы не быть неустойчивой...»¹⁷. Текст Ефремова-Кондырева — это ещё не наука классической эпохи, но в нём уже заложены все зачатки грядущих изменений «точки зрения».

«Описание Бухарского ханства» Н. В. Ханькова: классическая эпоха

Совершенно иной тип классификации народонаселения Бухары демонстрирует Н. В. Ханьков в книге «Описание Бухарского ханства», которая была издана в Санкт-Петербурге в 1843 г. Эта книга получила самые положительные отзывы учёных. Географ и этнограф Николай Александрович Маев писал в 1879 г.: «...Все, посещавшие Бухарское ханство, удивляются полноте и верности сведений, сообщённых Ханьковым в его известной книге...»¹⁸.

¹⁷ Фуко М. Слова и вещи. С. 31.

¹⁸ Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. V. СПб., 1879. С. 110.

Ханыков в 1841–1842 гг. (всего в течение 8 месяцев) был в Бухаре в составе специальной дипломатической миссии¹⁹. Сам исследователь заявил о том, что сделал свою книгу иначе, чем это делали до него (кстати, он был знаком со «Странствованиями Филиппа Ефремова»). Во-первых, уже в предисловии к своей книге он писал, что собирается «...изложить не просто впечатления путешественника, а сделать опыт систематического описания Ханства...» (С. I — здесь и далее ссылки даются на оригинальное издание 1843 г.). По этой причине Ханыков «изгоняет» авторское «я» из своего исследования, оставляя его только в предисловии, и ничего не говорит о том, как он жил в Бухаре²⁰. Во-вторых, в отличие от Ефремова, который только отчасти противопоставлял себя самого бухарцам (и даже был интегрирован в бухарское общество), Ханыков провёл между собой и чужим миром непроходимую границу. Он рассуждал, что человеку со стороны («европейцу») «...трудно понимать вещи так, как они есть, многое кажется ему странным, тёмным и даже непонятным, хотя оно ясно, естественно и есть непринуждённое следствие существующего порядка вещей, ему совершенно или почти совершенно чуждого...» (С. II–III). Замечу, кстати, что предисловие, написанное Ханыковым, вообще выделяется из всей книги, по содержанию будучи скорее современным (наличие саморефлексии, обострённое внимание к «субъективности»), нежели классическим текстом.

Структура «Описания» имеет чёткую форму, продолжает и развивает черты, уже отмеченные мною в книге Ефремова-Кондырева. Исследование начинается с описания территории, географии, климата, болезней, потом Ханыков переходит к описанию населения, потом — административного устройства («топографии»), экономики, управления и «просвещения». В конце книги приведена карта. Такая структура отражает принцип постепенного перехода от «природы» к «обществу», причём сначала к экономике, затем к политике и далее к духовной жизни. Рассказ о народонаселении опять расположен на самой границе между «природой» и «обществом», собственно говоря, он этой самой границей и является. Ханыков, как и Ефремов-Кондырев, заранее подсказывает читателю, что в описании народонаселения Бухары будут присутствовать как социальные, так и биологические признаки.

Специальную главу о народонаселении Ханыков называет «Племена и народонаселение ханства» (С. 53–77) и начинает её так: «...Рассматривая племена, входящие в состав настоящего народонаселения Бухарского Ханства, всякий должен будет согласиться, что они составляют смесь

¹⁹ См. Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф. Н. В. Ханыков — востоковед и дипломат. М., 1977. С. 20–23.

²⁰ Впрочем, в книге приведены отрывки из дневника, но это исключение, а не структурная часть текста.

самых разнородных частей, соединённых в одно целое только верою...» (С. 53). Подобного рода мозаичность он объясняет тем, что Бухара была промежуточным пунктом на пути движения «массы народов» с Востока на Запад, каждый из которых оставлял здесь свой след. История, таким образом, становится одним из элементов этнографического описания, хотя пока ещё не самым главным.

В противоположность автору «Странствований», Ханыков более последовательно и целенаправленно сопоставляет и различает «племена», тем самым уравнивая их между собой, помещая их на один уровень. Если Ефремов-Кондырев выделял узбеков из бухарцев, то Ханыков отделяет их от таджиков. Теперь все «племена» должны обладать примерно одним набором признаков, различающихся по степени, числу и форме.

Ханыков перечисляет «племена» в такой последовательности: 1) таджики, 2) аравитяне (арабы), 3) узбеки, 4) персияне, 5) евреи и 6) цыгане. Эта последовательность вытекает из истории, т. е. последовательности заселения региона: сначала были «коренные жители» — таджики, потом пришли арабы, потом — узбеки и остальные. Автор отказывается от термина «бухарцы» (который он, конечно, знает) и заменяет его термином «таджик», не поясняя, в отличие от Ефремова-Кондырева, является ли это имя самоназванием. Его мало интересует самоопределение жителей Бухары, так же как биологов совершенно не волнует вопрос, согласны ли бабочки называться «бабочками». Для российского учёного «племена» — это такие биологические и социальные общности, представители которых не имеют своего «я», но непременно нуждаются в классификации.

Благодаря замене «бухарцев» на «таджиков» Ханыков избавляется от явного противоречия, которое присутствовало в описании Ефремова-Кондырева, и создаёт более строгую классификацию, категории которой теперь вполне сопоставимы. Это наводит на мысль, что появление термина «таджик» скорее диктовалось задачами научной систематизации, нежели реальной практикой существования названий и самоназваний в Бухаре.

У Ханыкова несколько изменяется список тех признаков, которые отличают и, следовательно, образуют «узбеков» и «таджиков». Российский востоковед ставит на первое место подробное описание наружности и характера перечисленных «племён», помещая его строго под каждой соответствующей категорией. Таджики у него занимают торговлей, миролюбивы и даже трусоваты, скупы, лживы, «нестойки в слове», склонны к кражам и мелким мошенничествам, но убийства и поби у них встречаются редко. «...Черты лица их правильны и красивы, рост большею частью довольно высокий, цвет кожи белый, а волосы и глаза почти чёрные...», они учтивы иногда до приторности, любят хвалить себя (С. 55–56). Ханыков включает элементы сопоставления с узбеками: у таджиков больше «изысканности», их домашняя жизнь более «утончённая». Узбе-

ки же «...наружностью своею много напоминают племена Монгольские; но вообще глаза их больше и черты лица их немного красивее, роста бывают они большею частию среднего, цвет волос бороды их меняется между рыжим и тёмнорусым, черноволосых же весьма мало...» (С. 66). Ханыков утверждает, что о «нравственности» узбеков «...можно сказать столько же мало хорошего, сколько о нравственности Таджиков...», они «проще в обращении», но более падки на убийства и грабёж, менее религиозны, чем таджики (С. 69–70).

Ханыков, как и Ефремов-Кондырев, очень тщательно описывает внешний вид и характер, которые для исследователей того времени явно играют важную доказательную или иллюстрирующую роль. В этих описаниях нет вариантов и переходных состояний, они очень однозначны и не объёмны. Ханыков, как и Ефремов-Кондырев, использует простые оппозиции: таджики «красивы» — узбеки «некрасивы», таджики «высокие» — узбеки «среднего роста» (кстати, у Ефремова-Кондырева наоборот!), таджики склонны к «воровству» — узбеки способны на «убийство», таджики «черноволосые» — узбеки «рыжие» и «тёмнорусые». Эти сравнения вносят определённый драматизм в систему классификаций, заставляя их одновременно противостоять друг другу и взаимодействовать между собой.

Каждая из названных оппозиций выполняет в большей степени организующую, нежели информативную роль. «Высокий» и «средний», «чёрный» и «светлый», «простой» и «утончённый» — это образы, необходимые для описания и сопоставления заранее согласованных категорий, способ их обоснования. Данные образы имеют статус «реальности», но реальными совсем не являются, что подтверждается хотя бы отмеченным расхождением между Ханыковым и Ефремовым-Кондыревым по поводу роста таджиков и узбеков.

У Ханыкова сравнение как способ организации классического научного текста ещё не несёт в себе столкновения и конфликта, но и то, и другое уже предполагаются. У иных, более поздних авторов эта тенденция получит более чёткое дискурсивное выражение: тюркский язык «вытесняет» персидский, «дикий» воин «угнетает» миролюбивого торговца, монголоидный внешний вид «побеждает» европеоидный и т. д. В самих таких оппозициях уже присутствует конфликт, который может служить удобной объяснительной моделью исторических и политических событий. Например, уже современник Ханыкова Е. К. Мейендорф более чётко противопоставлял в этой связи узбеков и таджиков: «...Бухарский народ разделяется на две основные группы: одна — победившая и господствующая, другая — побеждённая и подчинённая...»²¹. Позднее эта мысль повторилась неоднократно в других трудах: так, И. Т. Пославский,

который был в Бухаре в 1886 г., писал, что «...Глухой антагонизм между воинственными пришельцами — узбеками (монгольского племени) и культурными аборигенами — иранцами (арийского) не прекращается до сих пор...»²². Именно из этих оппозиций проистекает спор о противостоянии различных наций в Бухаре, который продолжается на протяжении всего XX века.

Уравнивая «племена» между собой, Ханыков одновременно вводит элементы иерархичности внутри каждой из категорий. Так, узбеки у него имеют сложное внутреннее подразделение. Ханыков делит их по «образу жизни» на оседлых, кочующих земледельцев и кочующих скотоводов: оседлые узбеки ближе к таджикам, а кочевые — к «нашим Киргизам» (С. 66–67). К характеристике кочевых узбеков Ханыков добавляет многие подробности, указывая, например, что одежда их «проста», пища «однообразна», жизнь «однообразна» (С. 67–69). Такое сближение части узбеков с таджиками (автор даже в одном месте мимоходом говорит, что городские узбеки знают таджикский язык (С. 70)), а части — с киргизами (так называли в то время казахов) вносит в общую конструкцию явную путаницу и скорее напоминает ту «странную» классификацию, которую дал жителям Бухары Ефремов-Кондырев.

Помимо деления на оседлых и кочевых, Ханыков отмечает деление узбеков на «роды». И здесь я также вижу явные противоречия, которые вносят в стройную картину элементы разрушения. Сначала он перечисляет, используя таблицу, все известные по письменным источникам «роды» — всего 97 (С. 58–63). В самой же Бухаре, по его мнению, живёт не 5, как у Ефремова-Кондырева, и не 97, а всего 28 «родов», в число которых он включает мангытов (они поставлены на первое место с пояснением, что из отделения Тук происходит правящая династия), хытай, наймян, кыпчак, сарай, кунград, туркмян, аралят, бузачи, дурмян, ябу, джид, джуют, бяташ, бягрин (ефремовский «барынь»), кырк, унг, унгачит, калмак (Ханыков, следовательно, включает калмыков в число узбеков — может быть, то же делал и Ефремов-Кондырев?), катаган, галячи, узой, чильджуот, кирейт, гурлят, юйхун, уйгур, татар (С. 63–65). К этому исследователь добавляет, что последние тринадцать «родов» (начиная с кырк) отдельно не кочуют, а «...присоединяются к одним из выше названных родов, или живут оседло в городах самого Ханства...» (С. 65), т. е. как самостоятельные общности вообще не существуют.

Ханыков называет ещё несколько групп (чагатай, аймак, карлык, каучин, курамя), которые в письменных источниках не упоминаются. Отнести

²² Пославский И. Т. Бухара. Описание города и ханства // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XLVII. СПб., 1891. С. 66.

²¹ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга. С. 103.

их к числу «главных отделений» узбеков он не решает, но предполагает, что они, скорее всего, являются отделениями вышеназванных «родов» (С. 65–66).

Эта часть рассказа, посвящённая «родам», в полной мере демонстрирует «точку зрения» русского исследователя. «Племена» и «роды» у Ханькова существуют вне и помимо людей, реальное самосознание и самоназвание, самоотнесение к той или иной группе не имеют никакого значения в научном описании народонаселения. Этот вопрос вообще не обсуждается. Цель состоит в том, чтобы внести ясность в номенклатуру категорий и найти различия между ними, при том что все группы с неясными признаками не должны оставаться в проблемном поле, а присоединяются к уже вполне чётко сформированным категориям.

За пределами главы о народонаселении Ханьков, как и Ефремов-Кондырев, очень редко упоминает перечисленные выше «племена». Обычно он использует понятие «бухарцы», которым обозначает все группы жителей Бухары. Исключением являются рассуждения о сословиях, где Ханьков делит население на 1) привилегированную группу ходжей и «сеидов», 2) «имеющих род», к которым «относятся все узбеки», 3) безродных, к которым относятся «все Таджики, все переселившиеся Персияне», и 4) духовенство (С. 183–184). Узбеки упоминаются также, когда речь идёт о новейшей истории Бухары, где они противопоставляются сарбазам (т. е. постоянными войсками) под командой персиянина Наиба Абдусамета (С. 232–237). Здесь автор, не осознавая этого, скорее, повторяет принципы классификации Ефремова-Кондырева, в которой узбеки имели в большей степени социально-классовый статус, нежели культурно-этнографический. Это, кстати, показывает, что различные эпохи в истории знания, о которых писал Фуко, могут пересекаться между собой и вполне мирно уживаться в одном тексте.

«Бухара. XIX — начало XX в.» О. А. Сухаревой: новая эпоха

В 1950–1970-х гг. серию книг о Бухаре издала этнограф О. А. Сухарева. Наиболее подробное описание народонаселения Бухары она изложила в книге «Бухара. XIX — начало XX в.» (опубликованной, как «Слова и вещи» Фуко, в 1966 г. — далее ссылки будут на эту книгу). Данный труд — результат собственных исследований автора в 1947, 1948, 1949, 1950 и 1956 годах²³.

²³ Добавлю, что О. А. Сухарева была уроженкой Средней Азии, где прожила большую часть жизни.

Почему из 1843 г. я сразу перескакиваю в 1966 г.? Я пропускаю всех, кто писал о населении Бухары после Ханькова и до Сухаревой²⁴. Я пропускаю, в частности, тот момент, когда основным признаком при описании «народов» становится язык: Ханьков *ещё* не ставил его на первое место, а Сухарева *уже* не ставит. Я пропускаю также тот момент, когда учёные стали более последовательно, чем Ханьков, использовать при классификации народов-племён таблицу, о чём так подробно писал в «Словах и вещах» Фуко. Для меня важнее показать существенные расхождения в осмыслении «национального вопроса» в Бухаре между Ханьковым и Сухаревой, безусловно, самыми яркими представителями классической и современной эпох.

Прежде всего обратим внимание на экспансию современной науки в историю. Фуко писал по этому поводу: «...Теперь историчность проникла в природу...»²⁵, т. е. переходы от одной клетки таблицы к другой, связи между категориями интерпретируются как исторические этапы и периоды. Напомню, что уже у Ефремова-Кондырева элементом классификации

²⁴ Одной из работ, которая могла бы стать объектом самостоятельного анализа, является труд «Материалы по районированию Средней Азии», в частности, 1-я книга — «Территория и население Бухары и Хорезма», первая часть которой посвящена Бухарскому эмирату (Ташкент, 1926). Это исследование — итог работы в 1924–1925 гг. Комиссии по районированию Средней Азии, которую возглавлял статистик И. П. Магидович (см. главу 4). Перу последнего принадлежит глава «Население». «Материалы» — классический образец «классической эпохи», доведённый до совершенства метод изучения народонаселения Бухары, которым пользовался Ханьков. Книга делится на 5 глав: орографический очерк, гидрография и ирригация, климат, административное деление, население (глава о населении завершает исследование, поскольку оно предназначено для национального размежевания в регионе). Значительную часть издания составляют детальные таблицы. Магидович в своей главе (С. 145–250) даёт подробную, тщательно составленную по языковому принципу классификацию жителей, которая включает 3 группы: 1) тюркскую (узбеки, тукрмены, «казаки», т. е. казахи, и киргизы), 2) иранскую (таджики, персы, афганцы), 3) семитскую (арабы, евреи). Узбеки являются «преобладающей народностью», таджики — «второй по численности» (в том числе составляют 1/3 населения г. Бухары). Каждый народ характеризуется в отдельной главке, где даётся историческая справка о нём, указывается территория расселения и подробно описываются все существующие внутри народа подразделения. Конечно, и в этой идеальной картине есть свои противоречия, которые нарушают стройную классическую логику: например, некоторые группы, которые Магидович относит к «узбекам», сами, по его же собственному замечанию, называют себя только племенным именем и даже противопоставляют себя узбекам (С. 180). Впрочем, Магидович признаётся, что готов «прибегнуть к топору» в «этих этнографических джунглях», чтобы «расчистить себе дорогу» (С. 184).

²⁵ Фуко М. Слова и вещи. С. 301.

были ссылки на историю происхождения узбеков от ногайцев. У Ханькова раздел о народонаселении начинался с краткого исторического экскурса. В последующих текстах исторический аргумент выдвигается на первый план и начинает занимать преобладающую часть в описании народов. При этом главная оппозиция с внешнего облика и нравственности переходит в вопрос о том, какой народ древнее, какой народ жил на данной территории раньше других. «Происхождение» из второстепенного признака превращается в основной инструмент анализа и построения классификации.

Ещё одна важная особенность современной эпохи — возникновение специального жанра историографии, т.е. анализа другой литературы, чужих мнений и их истории. Предшественники Сухаревой только иногда ссылались на предыдущие исследования, но чаще использовали их материалы без всякого упоминания источника. Не было научной традиции изучения и сравнения авторов. Сухарева же делает историографический раздел не просто составной частью описания народонаселения Бухары, но во многом переносит в него смысловые акценты (собственно, именно этот метод использую в данной статье и я сам).

В таком изменении структуры текста я вижу переосмысление роли автора по сравнению с предшествующими эпохами. Авторство «Странствований» вообще проблематично: кто является подлинным автором — Ефремов или Кондырев, где информация самого Ефремова, а где вставки из других книг — на все эти вопросы трудно, почти невозможно ответить. Отчасти то же характерно для книги Ханькова: с одной стороны, он чётко определяет своё авторство в предисловии, а с другой — в самом описании Бухары явно не проводит различия между сведениями, почерпнутыми из других книг, и собственными данными, собранными во время своего пребывания в ханстве. Как писал Фуко: «...В классическом мышлении тот, для кого существует представление, тот, кто в нём себя представляет, признавая себя образом или отражением <...> — именно он всегда оказывается отсутствующим...»²⁶. Историографический обзор в книге Сухаревой, несомненно, является уточнением и усложнением «я» автора, который стремится определить точные границы своей позиции, подчеркнуть все те нюансы, которые отделяют «я» Сухаревой (несмотря на безличную форму изложения материала от третьего лица) от других учёных, которые тоже становятся в её книге авторами в гораздо большей степени, чем они осознавали себя сами.

Показательно, как Сухарева характеризует работы Ефремова и Ханькова. Она упоминает «Странствования Филиппа Ефремова», которые, по её мнению, дали едва ли не первую достаточно систематическую информацию о Бухаре. Называет «интересными» и «полными» для своего времени

сведения, содержащиеся в воспоминаниях Ефремова (С. 4). Тем не менее она тут же обозначает разницу между эпохами в изучении Бухары: «...Если раньше эти сведения поступали от людей случайных <...>, то с конца XVIII и начала XIX в. изучение Бухарии <...> сделалось предметом научного исследования. В изучение Бухары включились специалисты...» (С. 5). В разделе «Этническая характеристика бухарцев в литературе и источниках» Сухарева опять возвращается к данным Ефремова и характеризует их как недостаточные: «...Филипп Ефремов называет жителей Бухары принятым тогда термином “бухарцы” и не останавливается на их этнической принадлежности...» (С. 118). Таким образом, сведения «не-специалиста» Ефремова рассматриваются как недоразумение, неточность, незнание научных подходов (более подробную информацию из третьего издания «Странствований» Сухарева не комментировала, поскольку не была знакома с казанским вариантом книги).

Восторженно отзывается Сухарева о книге Ханькова: «...Труд Ханькова “Очерки Бухарского ханства” — безусловно наиболее ценный из всего, что касается изучения Бухары на основании личного знакомства с городом не только в первой половине XIX в., но и за весь дореволюционный период. Автору труда было всего 19 лет, но его обстоятельная монография, содержащая массу самого разнообразного, тщательно и в высшей степени добросовестно собранного материала, служит одним из самых полных и надёжных источников о Бухаре...» (С. 8). Правда, отмечает она, книга носит «печать своего времени», а «неудачные и очень поверхностные» попытки обрисовать национальный характер различных среднеазиатских народностей, «что было тогда в моде», устарели (С. 8, прим. 19).

Эта часть критики, обращённая к Ханькову, любопытна тем, что вводит в описание «народов» и обсуждение качеств «других» пока невидимую иерархию «прилично / неприлично». В классическую эпоху считалось абсолютно нормальным приписывать людям той или иной национальности отрицательные черты, давать негативные характеристики «народу» в целом. В современную эпоху обязательным становится политкорректное отношение к научной классификации, исключающее уничижительные оценки. «Сомнительная» часть описания наций (или этносов), которая говорит об их характере и внешнем виде, вытесняется из публичного «языка» в неофициальный, неприличный или обыденный «язык», в том числе в анекдоты, пословицы, а также оскорбительные клички и т.д. Что любопытно, в неофициальной сфере такого рода описания неожиданно вновь обретают привкус «истинности», «скрываемой» и одновременно востребованной обществом.

Продолжая свою критику Ханькова, исследовательница отмечает, что он «основным населением» города считал таджиков, но не соглашается с таким определением и тут же делает вывод, что автор судил

²⁶ Фуко М. Слова и вещи. С. 330.

об этнической принадлежности «исключительно по языку» (С. 120). Сухарева приписывает это утверждение Ханькову, поскольку подобный аргумент ей нужен, чтобы подчеркнуть разницу между его подходом и своей собственной позицией, но сам Ханьков нигде не характеризовал свою классификацию именно таким образом.

«Бухара» имеет главы о топографии города, о семье и численности населения, об этническом составе и социальном составе. В структуре текста уже отсутствует отсылка к природе как началу или продолжению общества. Этнография покидает «природу» и ищет своё новое место в гуманитарных науках.

В главе «Этнический состав населения Бухары и пути его образования» (С. 113–181) Сухарева пытается построить свою классификацию народов и сразу же сталкивается с неразрешимыми противоречиями: границы между категориями рушатся, «видимые» признаки и «органическая структура» (по выражению Фуко), т.е. реально функционирующие общности, не совпадают между собой. «Возникает» множество групп, о «национальной» принадлежности которых нельзя сказать что-то определённое. Видимо, такой эффект имел в виду французский философ, когда писал: «...Между пространством организации и пространством номенклатуры обнаруживается теперь принципиальное несоответствие...»²⁷, в современную эпоху возникает иное пространство тождеств и различий, и «...это пространство, которое с самого начала даётся в виде дробности <...> изрезано линиями, которые то расходятся, то пересекают друг друга...»²⁸.

Свой рассказ о главных группах бухарского населения Сухарева называет «Основное таджикоязычное население города» и «Тюркоязычные группы в составе населения г. Бухары». Уже в этих заголовках вместо привычных понятий «таджик» и «узбек» вводятся новые категории — «таджикоязычное население» и «тюркоязычные группы», тем самым формулируется проблема противоречия между языком и самоназванием (или самосознанием). Сухарева описывает эту проблему следующим образом: «...Несмотря на неясности в вопросе этногенеза бухарцев, в их языковой характеристике никаких сомнений нет. В городе поныне звучит таджикская речь...» (С. 123), но на «...прямой вопрос — таджики ли они — большинство бухарцев отвечает отрицательно, называя себя узбеками...» (С. 124).

В отличие от Ефремова-Кондырева и Ханькова, которые искали для классификации «внешние» признаки — особенности антропологического облика и психологических качеств, а также языка — Сухарева главными считает самосознание и самоназвание, что подразумевает

перемещение фокуса исследования с общих категорий на человека. Характерен в данной связи тот способ аргументации, который избирает Сухарева. Если у Ефремова-Кондырева и Ханькова в описании народонаселения конкретные люди как таковые отсутствуют и заменяются некими манекенами, то Сухарева прямо цитирует живых людей, с которыми она общалась, иногда соблюдая их анонимность (дань безличной форме?), иногда указывая их имена и даже отдельные биографические сведения.

Введение такого нового уровня исследования, как индивидуальное самосознание, не упрощает классификацию, а только усложняет её. Возникает вопрос: как и когда человек декларирует свою национальность, является ли подобная декларация однозначной и убедительной? Сухарева не может предложить того основного критерия, который позволял бы определить «момент истины». Сначала она пишет, что «...для решения вопроса об этническом составе населения основное значение должны были бы иметь статистические материалы...», но сама же критически оценивает единственную к тому времени перепись 1926 г. (которая, кстати, до сих пор среди специалистов считается лучшей), поскольку полагает, что она «...проводилась впервые в истории Бухары. Многие тогда понимали термины “таджик”, “узбек” как житель Таджикистана или Узбекистана...» (С. 122). Сухарева ссылается на подробные врачебные исследования в Бухаре в 1920-е гг., когда также выяснялась национальность горожан, но отмечает, что и они не внесли ясности в проблему: в одних кварталах жители называли себя «узбеками», в других — «таджиками», хотя население было, по словам участников опроса, «однородным»; встречались даже случаи, когда родные братья определяли свою национальность по-разному (С. 123).

Советская исследовательница особо подчёркивает, что «...не только при официальных опросах во время переписи, когда население из тех или иных соображений могло давать ответы намеренно неправильные, но и при собирании не официальных, а научных этнографических материалов, в условиях доброжелательного личного контакта и доверия к исследователю, таджикоязычное население Бухары также в подавляющем большинстве отнесло себя к узбекам...» (С. 124–125). Здесь любопытно разделение на «официальные опросы» и «доброжелательный личный контакт», подразумевающее не просто два разных способа сбора информации, но и два различных вида информации — «неправильную» и «правильную». Однако возникает вопрос: если сообщение переписчику, милиционеру или чиновнику «ложной» информации о своей национальности для конкретного человека функциональнее, чем та «правда», которую он «открывает» учёному, то не является ли в этом смысле «обман» реальнее «правды»? По сути дела, Сухарева видит в человеческом «я» множество разных «я», которые вступают между собой в конфликт за право быть «правильным», «настоящим», «подлинным».

²⁷ Фуко М. Слова и вещи. С. 256.

²⁸ Там же. С. 297.

Сухарева убеждена, что для получения «правильного» ответа необходима некая степень «искренности» в общении, которую невозможно измерить и исчислить. Отсюда вытекает противоречивая стратегия исследования. Она состоит в том, чтобы, оставаясь «чужим» (т. е. смотря на информатора со стороны), стать «своим», понять мотивы его поведения, проникнуть в его образ мыслей, т. е. отождествить себя с исследуемым человеком и найти то самое «подлинное» «я», которое в человеке «спрятано». Но не получается ли в результате так, что автор смешивает своё «я» с «я» того, о ком он пишет?

В неуверенной позиции Сухаревой есть и другое противоречие. Она, в отличие от своих предшественников, изучала не столько современное ей самосознание людей, сколько пыталась реконструировать на основании мнений и воспоминаний прежде всего пожилых людей то, что было в прошлом. Не случайно временной период книги заканчивается началом XX в., тогда как сама она проводила свои исследования 30–40 лет спустя. Но не являются ли рассказы о прошлом экстраполяцией сегодняшних представлений на вчерашний день, и не искажают ли они образ прошлого? Собственно, ответ на этот вопрос даёт сама же Сухарева: «...Впервые вопросы о национальности поставило перед жителями Бухары национальное размежевание [середины 1920-х гг. — С. А.]. До этого, как выразился один из старых бухарцев, “их никто не спрашивал, узбеки они или таджики”...» (С. 127).

Противоречивость сохраняется и в выводах учёного. Она пишет (точнее, повторяет общепринятое мнение), что узбекская и таджикская народности сформировались «в основных чертах» в IX–XI вв., а в конце XIX — начале XX в. начался процесс формирования узбекской и таджикской «буржуазных наций». При этом она же утверждает, что этническое самосознание у отдельных групп было ещё не развито, узбеки и таджики распались «на значительно отличавшиеся друг от друга группы» (равнинные и горные, кочевые и оседлые), а между группами из разных народностей «существовала большая культурная близость». Исследовательница отмечает наличие двуязычия, общего и главного самоназвания «мусульманин», развитого сознания «близости людей по землячеству» («...население различных городов и прилегающих к ним районов вместо этнического самоназвания называло себя по месту жительства...»), наличие родоплеменных связей, которые «...были более сильно развиты, чем сознание этнической общности...» (С. 127). Ефремов-Кондырев и Ханыков писали о том же, но не делали из этого противоречия проблему и позволяли себе решительно определять самим, к какой категории ту или иную «сомнительную» группу следует причислить. У Сухаревой «узбеки» и «таджики» окончательно распадаются на множество групп с различной исторической судьбой, различным самосознанием и социальным статусом и т. д. Имена

«узбек» и «таджик» превращаются в символы, формально, по инерции скрепляющие эти группы.

В итоге своих теоретических блужданий Сухарева и вовсе приходит к неожиданному выводу: «...В результате многовековых смешений различных этнических компонентов <...> в Бухаре сложился определённый физический и культурный облик коренного населения...» (С. 139–140). По сути дела, она возвращается к классификации, которую давал Ефремов-Кондырев и следы которой можно увидеть у Ханыков, пытается найти выход из обнаруженных противоречий с помощью инкорпорации в свой текст логики предыдущих этапов развития науки, ныне существующей разве что в виде обыденного мировоззрения. Вполне в духе «Странствований» она рисует единый портрет жителей Бухары (словно не замечая уже существующей в современной этнологии изошёренной техники физико-антропологического измерения!): им свойственно «благообразие», «красота лица, тонкость черт», «хилость и изнеженность тела», «нездоровый бледный цвет лица» (С. 140–141). К этому она добавляет сделанную по «непосредственному впечатлению», а не научными методами, психологическую характеристику: «...Бухарцы выделялись своей культурностью, тонкостью и любезностью обращения, умением просто, небогато, но элегантно одеваться, с неподражаемым изяществом носить свои длинные и широкие халаты, изысканно сервировать дастархан и угощать гостей, поддерживать в чистоте и порядке свою одежду и жилища...» (С. 141). И заключает всё это загадочной фразой об особом «локальном типе бухарцев» (С. 142), которые, надо понимать, не являются ни узбеками, ни таджиками.

Выше я уже говорил о тех изменениях в описании наций, которые происходят в современную эпоху. Теперь назову ещё одно изменение «точки зрения», которое мне представляется исключительно принципиальным. Фуко писал, что классическое знание строило свои описания на форме, числе, диспозиции и величине. Это соответствует тому, что Ефремов-Кондырев и, в большей степени, Ханыков уделяли особое внимание внешнему виду, численности, социальному статусу при описании «народов» и «племён». В новую эпоху, согласно Фуко, возникает противоречие между «внешними» признаками и «внутренним» принципом, до которого «...можно добраться, лишь “препарируя”, то есть материально уничтожая, яркую оболочку второстепенных органов...»²⁹. Это противоречие у Сухаревой ясно выразилось в проблеме соотношения языка, как наиболее очевидного и легко измеряемого признака, и самосознания, в которое ещё нужно проникнуть, используя сложные техники исследования. Сухарева «увидела» (т. е. проблематизировала) то, что до неё не замечали, а именно

²⁹ Фуко М. Слова и вещи. С. 293.

конфликт между самосознанием и внешними условиями существования, между самоощущением и «физиономией».

Фуко утверждал, что современная эпоха «изобрела» человека как проблему. Имея в виду все современные гуманитарные науки, он писал, что в них «...появляется человек в его двусмысленном положении познавательного объекта и познающего субъекта...»³⁰. Не является исключением этнология, которая изменением своей «точки зрения» создаёт культурный феномен «этнического человека», человека с мятущейся этничностью³¹. Бывшая наука об этносах всё больше становится наукой об этничности, этнические конфликты из «природы» и с границ между этносами и «культурами» перемещаются внутрь человека, в его сознание и самосознание.

* * *

Как писал в своей монографии «Воображаемые сообщества» английский историк Бенедикт Андерсон, «националистический ряд» был создан «...ещё до появления националистов...»³². Между этими двумя явлениями в процессе нациеконструирования лежит долгий путь. Классическая эпоха вслед за созданием национальных категорий (что включает в себя процедуру их выявления, обсуждения и отбора) формирует национальные институты и национальные государства. Современная эпоха создаёт «этнического человека»: за каждым членом общества закрепляется принадлежность к категории, сначала с помощью переписи и текущей статистики, а потом с помощью паспортной системы и других механизмов персонализации этничности. Впрочем, вопрос о том, как представления превращаются в практики «наказания» и «дисциплины», — это уже особая тема:

Генеалогия среднеазиатских национализмов Surveiller et Punir

³⁰ Фуко М. Слова и вещи. С. 333–334.

³¹ Фуко в «Словах и вещах» писал об этнологии как науке о «других культурах», «народах, лишённых своей истории» и называл её «антинаукой», поскольку она «разрушает» человека (Фуко М. Слова и вещи. С. 394–399). Это можно объяснить тем, что в 1960-е годы «антропологический» акцент этнологии был не очень заметен.

³² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 202.

Глава четвертая

Проблема сартов¹ в русской историографии XIX — первой четверти XX вв.

История формирования национализма — одна из самых популярных, если не сказать модных, тем в современном общественном сознании. Ежегодно в мире выходят в свет десятки специальных монографий и сборников, сотни, а то и тысячи, статей, в которых снова и снова ставится вопрос: что такое нация, как глубоко в историю уходят её корни, является ли национализм итогом тысячелетнего развития, либо он оказался востребован и оформился лишь в новейшее время? Все попытки дать простой и однозначный ответ на этот вопрос, несмотря на множество интересных и глубоких исследований, пока не привели к общему согласию среди специалистов.

Настоящая работа предлагает свой, далеко не всеми разделяемый, взгляд на историю формирования наций в Средней Азии. Цель её заключается не в том, чтобы решить все проблемы и осветить все стороны этого процесса, для чего было бы необходимо написать огромный труд. Задача представляется гораздо более скромной — показать возможности нового, непривычного для советской и российской историографии подхода к изучению среднеазиатских наций, ввести читателя в круг новых вопросов и проблем по этой теме.

Этнографические классификации в Российской империи: к постановке проблемы

Средняя Азия, несмотря на немалое количество посвящённых ей работ, до сих пор остаётся во многом terra incognita. По сути дела значительная часть информации по региону, которая могла бы охарактеризовать историю

¹ Некоторые части этого раздела в сокращённом виде были опубликованы в статье «Население Ферганской долины (к становлению этнографической номенклатуры в конце XIX — начале XX века)» в сборнике «Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты» (М., 2004. С. 38–101).